

Штепа А. В.
Социальное служение Русской Православной Церкви
в Калужской епархии

Русская Православная Церковь всегда сочетала религиозную и духовно-просветительскую деятельность с социальным служением. Сейчас в России формируется широкая сеть благотворительных фондов и других подобных организаций. На этом фоне растет интерес к истории дореволюционных благотворительных учреждений. К числу работ, посвященных истории благотворительности в России, относится и книга Алексея Владимировича Штепы.

А. В. Штепа рассматривает историю Калужской епархии середины XIX в. по 1917 г. и подробно останавливается на 2 сторонах социального служения Церкви: благотворительности и организации начального образования. В основу исследования автор положил периодическую печать, прежде всего «Калужские епархиальные ведомости» и сменивший их с 1907 г. «Калужский церковно-общественный вестник». В епархиальной прессе постоянно публиковались отчеты благотворительных обществ, списки благотворителей и другая подобная информация. В работе использовались также материалы РГИА, ГА РФ, Государственного архива Калужской области и Государственного архива Брянской области, однако источники личного происхождения почти не привлекались.

Анализ расходов Церкви на благотворительность и социальные нужды предваряется интересными сведениями о том, из чего складывались доходы церквей и монастырей. Как показал Штепа, казенное содержание последних было более чем скромным. Гораздо большее значение имели частные пожертвования. Исследователь отмечает, что даже церковные власти признавали жалование провинциального духовенства «большой частью весьма скудным». Конечно, духовенство было не в силах помочь всем нуждающимся,

Штепа А. В. Социальное служение Русской Православной Церкви в Калужской епархии (вторая половина XIX — начало XX века). Калуга, 2007. 264 с.

и выплачиваемые крестьянам-прихожанам пособия оставались очень скромными. К началу XX в. материальное положение духовенства несколько улучшилось: больше средств стало выделяться на благотворительность, однако существенных сдвигов в этой сфере не произошло. В такой обстановке одним из главных получателей социальной помощи было само духовенство: выделялись пособия бедным заштатным священникам, вдовам и сиротам священнослужителей и т. д. Поддержка епархиальных духовно-учебных заведений и их «недостаточных» учеников тоже являлась формой социальной взаимопомощи в среде духовенства.

Расходы Русской Православной Церкви на благотворительность по Калужской епархии обычно составляли около 1% от расходов по стране в целом. Штепа отмечает, что, например, в Тульской епархии церковная благотворительность была развита сильнее, чем в Калужской. Там функционировали эмеритальные кассы духовенства (впрочем, численность населения Тульской губернии была значительно больше). С другой стороны, приходские попечительства Калужской епархии в 1902 г. собрали больше пожертвований, чем приходские попечительства Орловской и Смоленской епархий. Однако, рассматривая частные случаи, полноценного сравнения статистических показателей Калужской и других епархий Штепа не проводит. Что же касается других институтов, занимавшихся социальной помощью, то представляют интерес следующие цифры, приведенные в исследовании. В конце XIX в. в системе Святейшего Синода по всей стране состояло 3358 благотворительных учреждений, а в системе Министерства внутренних дел — 6835. Еще одной сферой, в которой Церковь работала параллельно с другими институтами, было начальное образование. Начиная с 1860-х гг. активно развивалась сеть церковноприходских школ. Этой теме посвящена отдельная глава книги.

Весьма подробно рассмотрена в монографии система социальной церковной помощи. Если в конце XVIII в. она переживала упадок, то с середины XIX в. на волне реформ работала довольно четко. Автор делит эту систему на 3 уровня: центральный (синодальный), региональный (епархиальный) и местный (приходской). Из жалования священнослужителей вычиталась определенная сумма, которая пополняла пенсионный фонд для выдачи постоянных и единовременных пособий. С церковных приходов собирались 1–2% от их доходов на содержание духовно-учебных заведений. Проводились тарелочные и кружечные сборы на разные цели. Например, 9 мая — в пользу Общества спасения на водах, 10–17 мая — в пользу попечительства о слепых и т. д. Порой пожертвования, собранные в Калужской епархии, адресовались в другие регионы и даже страны, например в Индию. Безусловно, были и те, кто относился к этой системе неодобрительно, называя очередные сборы «поборами».

Дополнить картину можно было бы, обратившись к архиву Оптиной пустыни, хранящемуся в Отделе рукописей РГБ. Здесь, в частности, содержатся материалы о сборе пожертвований для поддержки православных в других странах. В 1858 г. была учреждена «кружка» для ежемесячного

сбора средств на улучшение быта паломников в Палестине. Калужская духовная консистория внимательно следила за отчислениями монастыря и предписывала не пропускать очередные взносы, благотворительность действительно носила во многом добровольно-принудительный характер.

Одновременно развивались и более свободные формы благотворительности. С 1864 г. в связи с выходом соответствующих уставов начали появляться церковноприходские попечительства и церковные братства с более широкими задачами. Взносы в них делались на добровольной основе, направления расходов тоже были разными. Образцовое приходское попечительство было создано и действовало в уездном городе Мосальске, но даже мосальские благотворители пришли к выводу, что их деятельность малоэффективна, а серьезно изменить положение нуждающихся может только их трудоустройство.

Благотворительные общества сталкивались не только с проблемой нехватки средств. Сложности возникали и с тем, каким образом их использовать. Нередко пособия выдавались «с пристрастием», бытовало кумовство. С другой стороны, существовали целые села с «профессиональными» нищими (их в Калужской губернии называли «якуталами»), занимавшимися выманиванием денег у потенциальных жертвователей. Наиболее массовой и эффективной была социальная помощь в годы войн, голода, эпидемий. Во время голода 1891–1892 гг. большая часть благотворительных средств была собрана именно Церковью. В военные годы проводился сбор пожертвований, в частности семьям погибших. На фронт высылались книги и одежда, монастыри предоставляли помещения для лазаретов. В период Первой мировой войны социальная система подверглась особенно трудному испытанию. Помимо значительного роста объема необходимой помощи появилась новая проблема, в разрешении которой участвовала и Церковь, — размещение беженцев.

Важно отметить, что помимо системы, работа которой разносторонне показана Штепой в цифрах, таблицах и графиках, существовала культура частной благотворительности. Она отражалась в частных (а порой и анонимных) пожертвованиях, которые делали в том числе и архиереи, настоятели монастырей, священники. Полезно было бы рассмотреть, как относились к социальной помощи и жертвователи, и нуждающиеся, однако этот аспект в книге должным образом не освещен.

Структура исследования Штепы несколько неравномерна. С одной стороны, выделяются главы, посвященные конкретным направлениям социальной помощи (поддержка нуждающихся лиц духовного звания, учебных заведений, населения во время войн и голода), с другой — главы об отдельных благотворительных учреждениях (приходских попечительствах, церковных братствах), а также о благотворительности монастырей. Очевидно, что эти темы во многом пересекаются. К примеру, монастыри могли оказывать помощь и учебным заведениям, и населению. Можно отметить недоработки в деталях, особенно в статистической информации. Так, странно выглядят данные о том, что во 2-й половине XIX в. в Калужской губернии насчитывалось

586 262 крестьянина и они составляли 58,2% населения губернии. Вряд ли доля крестьянского населения могла быть такой низкой. В другом месте монографии упоминается, что в период 1851–1917 гг. средний срок пребывания архиерея на Калужской кафедре составлял 2 года. Это легко опровергнуть: за данный период в Калуге сменились 11 епископов, и нетрудно подсчитать, что в среднем они занимали кафедру около 6 лет.

Тем не менее, несмотря на эти незначительные недостатки, работа А. В. Штепы представляет значительный интерес для всех, кто интересуется историей Калужской епархии и историей благотворительности.

*Г. М. Запальский, кандидат исторических наук
(ЦНЦ «Православная энциклопедия»)*

